

Вообще-то уезжать в академию я собирался один, но отец ни в какую не соглашался отпускать меня самого. Твердил, что не спокоен. Сначала я злился, думал, будет только под ногами мешаться. Но потом мама, дождавшись, пока он выйдет, шепнула мне на ухо: «Поезжай с ним». И тут до меня дошло. Отец не просто хотел проводить сына — ему до смерти хотелось своими глазами взглянуть, что это такое — университет.

Приехав в Ляонинскую академию изящных искусств, я быстро понял: в те годы здесь хватало чудаков. Простые неряхи на общем фоне выглядели вполне нормально. Но когда взрослый мужик отпускает длинные волосы и окладистую бороду... Честно говоря, если бы этот тип, едва я переступил порог общежития, не представился моим соседом по комнате, я бы без лишних раздумий назвал его «дяденькой».

Комната у нас была рассчитана на четверых, но в тот год набор оказался нечетным, так что заселили только троих. Я приехал позже всех. Впрочем, все мы приехали из других провинций, так что никакой местечковой вражды не возникло.

Старшим среди нас — тем самым бородачом — оказался двадцатиоднолетний Цянь Цзюнь. После школы он год пинал балду, потом еще год готовился к пересдаче и в итоге поступил на отделение скульптуры. Целеустремленный мужик, ничего не скажешь. Меня бы под дулом пистолета не заставили проходить через этот ад заново — слишком уж мучительно.

Второго звали Лу Минда. Девятнадцать лет, отделение художественной керамики. Тонкие золотые очки, манеры... На первый взгляд — типичный интеллигентный мерзавец. Парень он был не особо общительный, держался особняком, но, как выяснилось позже, оказался на редкость надежным и отзывчивым товарищем.

Ну а третьим — младшим — был я. Восемнадцатилетний Чжоу Дачуань, без пяти минут шаман-практик и, так сказать, лицо, приближенное к духовенству.

Отец уехал почти сразу, как помог мне устроиться. Напоследок он вручил мне тридцать тысяч юаней и с грустной миной произнес:

— Сынок, это последнее, чем отец может тебе помочь. Отныне ты взрослый человек, на семью больше не оглядывайся. Батя твой не всесилен, да и годы уже не те, мне еще младших на ноги ставить надо. Так что крутись сам. Будешь ли ты икру ложками есть или сухие корки грызть — всё теперь в твоих руках.

Старик говорил с надрывом, и я невольно проникся моментом. В горле встал ком, а зажатая в ладони банковская карта показалась тяжелой, словно чугунная плита.

Атмосфера была идеальной, торжественной и щемящей. Ровно до тех пор, пока мой дражайший родитель не вытащил из кармана новенькую «Моторолу» стоимостью под десять

тысяч юаней и не набрал чей-то номер.

— Алло, старина Чжан? Что? Хочешь забрать тот вековой горный женьшень? Ну-у, даже не знаю, задачка непростая... Тут господин Лю из пищевого холдинга зовет меня на ужин послезавтра. Двести тысяч? Хм, ладно, раз уж ты людей привел, давай дождемся моего возвращения. Я сейчас в провинции Ляо, сына в академию устраиваю. Да-да, сам-то я неучем прожил, а этот шельмец хоть не опозорил старика!

Я вздохнул, пряча карту в карман.

"Впрочем, тридцать тысяч — тоже деньги приличные. Грех жаловаться"

Учеба началась с военных сборов. Наше отделение масляной живописи еле наскребло студентов на один взвод, так что нас объединили с другими факультетами в одну роту. Под безжалостным палящим солнцем все мы за пару недель потемнели как минимум на два тона.

Но из любого правила бывают исключения.

— Слышь, мелкий, — окликнул меня как-то после плаца Цянь Цзюнь. — А ты почему вообще не загорел?

Мы как раз отмаршировали под зноем и собирались перекусить где-нибудь в кафешке, чтобы скрепить нашу мужскую дружбу. Пока переодевались в комнате, зоркий старший заметил мою подозрительную бледность, и на его лице отразилось явное недовольство.

— Да ладно тебе, — буркнул я, делая максимально независимый вид. — Просто на мне загар плохо держится.

На самом деле я прекрасно знал, в чем фокус. Стоило солнцу припечь сильнее, как я тут же просил Лю Чжэньюань наложить на меня заклинание чистого ветра. Правда, за эту услугу мне приходилось ежедневно покупать вредной девчонке мороженое. Причем не абы какое из морозилки, а свежеприготовленный мягкий рожок.

Обычное стоило юань, мягкое — два. Я пытался торговаться, приводил веские доводы, но змеиная натура оказалась непреклонной. Либо два юаня в день на лакомство, либо ночью она устроит мне сеанс одержимости. Пару раз она так пошутила, после чего Цянь Цзюнь и Лу Минда всерьез решили, что я страдаю лунатизмом.

— Тоже мне, нашел с кем сравниваться, — фыркнул Лу Минда, косясь на меня с не меньшим раздражением. — Он каждый день наяривает это мягкое мороженое, как девчонка. Точно говорю, втихаря мажется солнцезащитным кремом.

Их зависть можно было понять. На фоне общей массы обгоревших дочерна первокурсников моя

белоснежная кожа сияла, словно начищенный фарфор, приковывая взгляды однокурсниц. Буквально за пару дней ко мне подошли человек пять девчонок с расспросами о «секретах ухода за кожей».

Вечером за ужином парни решили отыгаться. Будучи далеко не богатырского здоровья по части алкоголя, я быстро сдался под их натиском и уткнулся носом в стол. В итоге бедолагам пришлось тащить мою тушу на себе до общежития. И зачем, спрашивается, усердствовали?

Дату моего официального посвящения в шаманы переносили столько раз, что я сбился со счета. Наконец определились — в период октябрьских праздников. Место тоже выбрали подходящее: неподалеку от кампуса раскинулся старый квартал с особняками времен Китайской Республики. Там я и снял небольшой двухэтажный домик в европейском стиле для обряда.

Вы спросите, откуда у вчерашнего школьника деньги на аренду целого особняка?

Всё просто: особняк особняку рознь.

Домик этот занимал от силы триста квадратных метров. Серый, неказистый, квадратный, он так давно стоял заброшенным, что больше походил на незаконную постройку, приговоренную к сносу.

Вариант откопал Хуэй Сяобао. Место пользовалось дурной славой — поговаривали, что там водятся призрак, из-за чего дом пустовал уже три года. Сам хозяин спал и видел, как бы сгресить за него компенсацию при сносе, но квартал признали историческим наследием, так что сносить запретили. Пришлось горе-владельцу выставить его под аренду.

Вот только три года назад в одной из комнат повесилась студентка. С тех пор по ночам из пустых окон доносился жуткий плач. Золотая жила в самом центре района в один миг превратилась в проклятое место, куда никто не рисковал соваться.

Плата за аренду рухнула со средних трехсот юаней за комнату до жалких пятисот за весь дом целиком в месяц. А если платить сразу за год — хозяин еще и скидывал приличную сумму.

В итоге я выложил три с половиной тысячи юаней и получил ключи на целый год.

Осмотрел я свои владения только после того, как отдал деньги. Стоило переступить порог, как по ногам потянул промозглый сквозняк, вырвавшийся на улицу сквозь приоткрытую дверь.

Благодаря заклинанию очищения разума, которому меня обучал Шестой господин Ху, мои чувства обострились, а открывшееся Небесное око позволяло видеть сокрытое от простых смертных. Впрочем, обычно рядом со мной терлись духи-вестники, так что мелкая нечисть за версту обходила мою персону.

— Тут действительно обитает призрак девицы, — деловито заметила Лю Чжэньюань, обследуя углы. — Но ничего страшного. Сначала обоснуемся, потом спровадим ее в загробный мир, и можно будет обустраивать алтарь.

При упоминании призраков у меня перед глазами мгновенно пронеслись образы из японских хорроров, и по спине пробежал холодок.

— Зная, что здесь водится нечисть, ты все равно заставила меня подписать договор?

— И что с того? — Лю Чжэньюань недоуменно захлопала глазами, искренне не понимая моей паники. — Ну призрак, ну и что? Грязновато тут, конечно, аура тяжелая, но мы же приберемся!

Наши представления о комфорте явно расходились. Я закатил глаза.

— Ладно. В какой она комнате? Мне нужно хотя бы представиться соседке.

— Зачем? — фыркнул Хуэй Сяобао, появляясь из ниоткуда. — Она как увидела сестру Линлин, так сразу забилась под плинтус и носа не кажет.

Маленький дух явно не воспринимал местное привидение всерьез. Тем не менее он указал лапкой на второй этаж.

— Вторая комната сверху. Там грязнее всего, так что пока туда не суйся.

Внутри особнячок оказался вполне приличным. Свет, вода, отопление — всё работало исправно. На втором этаже располагались пять комнат (одна большая с собственной ванной и четыре поменьше) и еще один общий санузел с глубокой чугунной ванной.

На первом этаже уместились гостиная, кухня, столовая, гостевой туалет и просторная спальня. Судя по остаткам мебели, раньше в ней стояла двуспальная кровать.

Предыдущий жилец этой комнаты, должно быть, пользовался лютой ненавистью соседей. Пока вся остальная молодежь ютилась поодиночке, этот счастливчик умудрялся жить с дамой сердца. Интересно, какая тут была звукоизоляция?

Несмотря на обшарпанный фасад, внутри оставалось много полезных вещей. Но главным сюрпризом стал великолепный резной жертвенный стол для благовоний.

Похоже, прошлые жильцы тоже пытались решить проблему с призраком с помощью высших сил. Результат их стараний, впрочем, угадывался без слов — достаточно было вспомнить историю с повесившейся студенткой.

Я решил обустроить под святилище просторную комнату на первом этаже. Сдвинул массивные короба, заменявшие каркас двуспальной кровати, к стене — получился отличный импровизированный стеллаж для барахла. Свободное пространство у противоположной стены занял жертвенник, который я застелил заранее купленной узорчатой тканью. Рядом поставил два деревянных стула. Вот и всё, основа для алтаря готова.

После этого началась генеральная уборка. Всё, что подлежало стирке, отправилось в тазы, хлам полетел на помойку. Наводить порядок во второй комнате на втором этаже вызвался Хуэй Сяобао. К Лю Чжэньюань я обращаться не стал — слишком уж накладно выходило по деньгам.

Закончив с уборкой, я переоделся и в сопровождении Хуэй Сяобао и Ху Линлин отправился в путь. Сначала на автобусе, потом на метро — наш маршрут лежал в старые кварталы на севере города.

— Мы точно туда приехали? — Я сверился со смятой бумажкой в руке, разглядывая облупившиеся номера домов на покосившихся заборах. — У меня стойкое ощущение, что ты меня дуришь.

— Да где-то здесь это, я же чую! — раздраженно отозвалась Лю Чжэньюань, вертя головой по сторонам. — Верь мне, когда это я тебя обманывала?

Я тяжело вздохнул и отвернулся.

"Каким дураком надо быть, чтобы положиться на организаторские способности этой змейки!"

Ладно, делать нечего, придется спрашивать дорогу. Неподалеку как раз виднелась вывеска крошечного продуктового магазинчика, и я поспешил туда.

Переступив порог, я застал хозяев — немолодых супругов, которые мирно уплетали из одной миски аппетитно пахнущий рис с тушеным картофелем.

Чтобы не выглядеть наглым расспрашивающим, я взял коробку сухого молока и пакет спелых манго. Чек вышел почти на сто юаней. Сердце облилось кровью — кажется, весь следующий месяц мне придется сидеть на дешевом растворимом раме́не.

— Хозяюшка, подсказать не поможете? — вежливо обратился я к женщине. — Ищу одного мастера... Говорят, тут неподалеку принимает человек, который хорошо в духовных делах разбирается. Не знаете, где его найти?

— А, так тебе к предсказателю? — Хозяйка с удивлением окинула меня взглядом. — Такой молодой, а в подобные вещи веришь... Да вон, выходи, бери правее, дорогу переходить не надо. Третья дверь по счету.

Поблагодарив ее, я подхватил покупки и поспешил в указанном направлении. Меньше чем через пять минут я действительно стоял перед дверью с деревянной вывеской: «Лавка буддийской судьбы».

Я невольно помедлил на пороге. Одно дело — продавать ритуальные принадлежности и статуэтки Будды, и совсем другое — практиковать шаманизм и общаться с духами. Хотя я и отшучивался перед матерью, обещая после выпуска зарабатывать на жизнь росписью ликов святых для нашего алтаря, в реальности всё было гораздо серьезнее.

Глубоко вздохнув, я толкнул дверь. В нос сразу ударил тонкий, приятный аромат благовоний.

— Молодой человек пришел обновить запасы для своих Бессмертных? — навстречу мне вышел добродушный толстяк, удивительно похожий на раскатисто смеющегося Будду-Митрэйю.

Его взгляд скользнул мимо моего плеча — прямо туда, где замерла Лю Чжэньюань. Чтобы заметить духа, нужно смотреть под определенным углом, и этот человек сфокусировался безошибочно. Он определенно её видел.

Я мысленно выдохнул. По крайней мере, этот господин действительно обладал духовным зрением, а не был очередным шарлатаном. Хотелось верить, что и человек он неплохой.

— Мне вас порекомендовали, — вежливо начал я. — Ищу мастера, который помог бы мне обустроить алтарь и провести обряд посвящения.

— О-о, так ты и есть тот самый праведник в девятом колене? — глаза толстяка округлились, в них вспыхнул неподдельный интерес. Он принялся обходить меня кругом, словно перед ним выставили редчайший музейный экспонат, и непрерывно бормотал под нос: — Надо же... Никогда бы не подумал, что доведется встретить такого человека наяву!

Затем он бросил еще один взгляд на притихшую Лю Чжэньюань и сокрушенно покачал головой:

— И как только эти пронырливые Бессмертные умудрились первыми наложить на тебя лапу? Какое еще шаманство с твоей-то кармой?

Честно говоря, я и сам не горел желанием становиться медиумом. Тетушка как-то рассказывала, что после смерти шаманы-практики не уходят на покой — их души забирает Глава алтаря для дальнейшего служения. Они становятся «Чистыми ветрами» и веками выискивают среди собственных потомков новых кандидатов на эту роль.

"Такой вот бесконечный семейный подряд, — с тоской подумал я. — Жуткая перспектива, если вдуматься"

Но с другой стороны, участь духа-хранителя не так уж плоха — по крайней мере, это реальный шанс со временем дослужиться до божественного ранга.

Жаль только будущих внуков и правнуков, которым наверняка придется расплачиваться за мои решения. Впрочем, у нас в роду Чжоу народу хватало, хотя обрекать кого-то на подобную судьбу мне бы не хотелось. С другой стороны, сейчас выбирать не приходилось — мне бы для начала до двадцати лет дожить.

Я протянул хозяину лавки пакет с манго и коробку молока, после чего смущенно примостился на табурете напротив него. Толстяк продолжал рассматривать меня с неприкрытой жалостью, то и дело вздыхая о «сгубленном потенциале».

Впрочем, унывать я не собирался. По крайней мере, сейчас я могу спокойно есть мясо и устраивать личную жизнь.

"А уйди я в монастырь — пиши пропало"

— Я слышал о твоей беде, — наконец заговорил толстяк. — Удивительное дело: у тебя колоссальная предрасположенность к даосизму и шаманским практикам, а вот буддийская благодать почти не коснулась души. Твой алтарь обещает быть великим. Непростая судьба тебя ждет, ох непростая.

Я лишь вежливо улыбнулся в ответ, хотя про себя подумал, что мастер явно переоценивает масштаб трагедии. Будь мой алтарь действительно таким могущественным, разве затягивалось бы мое посвящение на долгие месяцы? Ощущение было такое, словно я пытаюсь зарегистрировать частное предприятие, а чиновники из небесной канцелярии раз за разом заворачивают документы из-за нехватки каких-то справок.

Мы проговорили с хозяином лавки довольно долго. Его звали господин Пан, он был мирянином-буддистом. В юности он долго жил у подножия священных гор Утайшань в провинции Цзинь, где и постигал каноны веры. Позже, женившись, он перебрался на родину супруги в наш северный край, открыл эту лавку и время от времени помогал людям справляться с духовными невзгодами ради накопления благой кармы.

По его словам, несколько дней назад с ним связался старый приятель и попросил помочь молодому шаману с редкой кармой праведника обустроить святилище. Господин Пан сначала решил, что друг преувеличивает ради красного словца, но теперь, увидев меня лично, признал, что недооценил ситуацию.

На самом деле мне очень хотелось признаться ему, что я всего лишь слушатель ускоренных курсов выживания, но я предпочел промолчать.